

ГЛАВА XI

Схватка

*Президент принимает решение •
Оппозиция идет на обострение • Сергей Глазьев
неприятно удивляет • Штурм мэрии и "Останкино" •
Призыв к москвичам * Отпор мятежникам*

16 СЕНТЯБРЯ 1993 года, буквально сразу после моего звонка о согласии вернуться в правительство, президент объявил о предстоящем назначении. Вообще-то, предполагалось, что он сделает это на запланированной ранее встрече с финансистами, но она по каким-то причинам не состоялась, вместо этого Борис Николаевич поехал в дивизию имени Дзержинского, там и сообщил об этом. Получилось весьма воинственно.

Тем не менее указа еще не было, а я в тот вечер должен был улететь на пару дней в регионы по делам избирательного блока "Выбор России". Решил до официального назначения поездку не отменять. В Ростове и Воронеже ждали люди.

18 сентября, когда я уже был в Воронеже, довольно поздно вечером позвонил глава Администрации президента Сергей Александрович Филатов, сообщил, что указ подписан, попросил срочно вернуться в Москву и, по возможности, сразу повидаться: необходимо поговорить, посоветоваться. Часам к двенадцати воскресного утра приехал к нему на дачу и здесь узнал, что президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по Конституции. Филатову поручено продумать политический сценарий предстоящих событий. Сергей Александрович сказал, что все это вызывает у него серьезное беспокойство. Спросил, какова моя точка зрения.

После того как Верховный Совет открыто проигнорировал ясно выраженную апрельским референдумом волю народа к продолжению реформ и от-

верг, одну за другой, все попытки найти разумный компромисс, подобное решение не было для меня неожиданным. И все-таки одно дело продумывать варианты и альтернативы и совсем другое — видеть, как раскручивается маховик острого силового конфликта с непредсказуемыми последствиями. К тому же выбранный момент в принципе казался на редкость неподходящим. Важный фактор внезапности, неожиданности отсутствовал, именно такого шага лидеры непримиримой оппозиции от Ельцина и ждали, к нему готовились. Более того — явно на него провоцировали. Как еще можно было расценить выходку Хасбулатова, который буквально накануне перед миллионами телезрителей лично оскорбил президента. Было видно, что он сознательно хочет вывести Ельцина из равновесия.

Я ответил Филатову, что, с моей точки зрения, полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать. Вряд ли стоит делать именно то, чего ожидает противоположная сторона, и в тот момент, когда она максимально подготовилась. К тому же ясно, что занять сейчас сразу здание Белого дома, то есть реально приостановить работу Верховного Совета, что является важнейшей предпосылкой успеха, невозможно. Филатов попросил меня позвонить Борису Николаевичу, встретиться с ним, поговорить на эту тему. По всему было видно, что и он разделяет мои сомнения. Ехал домой с нелегкими мыслями. Прямое столкновение вот-вот станет суровой реальностью.

Очень долго, на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но в 1993 году твердо убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете беспрекословно подчиняется людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм. Иначе говоря, демократически избранный парламент сам становится максимальной угрозой

для демократии. Такое, как известно, в истории уже случилось.

Планировавшийся президентом выход из конституционного тупика вовсе не предполагал отмену демократии. Его ключевая идея, главная цель — новые свободные выборы, незамедлительное проведение которых более чем логично, коль скоро политическая линия парламента столь явно разошлась с выраженной на референдуме волей народа. Конечно, в случае поражения Ельцина исход дела для его соратников будет жестким: коммунисты и националисты миндальничать не станут. А в случае успеха задуманного весы резко качнутся в противоположную сторону. Вместо кризиса двоевластия и желеобразной государственности можем получить резкое, непропорциональное усиление президентской власти и крах всей системы сдержек и противовесов. Именно поэтому так обидно, что парламентское большинство категорически отвергло путь компромисса. И все же, по опыту общения, был убежден: Ельцин не тот человек, который в случае победы воспользуется ситуацией, поведет наступление на свободу слова, откажется проводить выборы и установит авторитарный режим.

Но вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым при необходимости применить силу. А вот поведение силовых структур предсказать непросто. Причем далеко не все зависит от высшего командования. В подобной ситуации многое зависит от случая, судьбоносное для огромной страны значение может получить то, как поведет себя какой-либо неизвестный майор, как воспримет приказ старший лейтенант, что сделают сержанты... Предугадать это было невозможно.

В понедельник, 20 сентября, после оперативного совещания В.Черномырдин попросил меня задержаться и тоже спросил, как я оцениваю ситуацию. Ответил, что мотивы принятого решения понимаю, вижу высокий уровень мобилизации непримире-

мых, но выбор момента считаю неудачным. Понял, что наши мнения совпадают. Виктор Степанович осведомился, не говорил ли я уже по этому вопросу с Ельциным, а если нет, то не собираюсь ли? Условились, что сейчас же буду звонить, просить срочного приема.

С президентом удалось соединиться практически сразу. Он сказал, что готов принять меня в 16.00. Готовясь к встрече, решил получше ознакомиться с текущими делами. Каковы бы ни были переживания, в любой политической ситуации правительство должно работать. Запросил отчет по реализации плана действий правительства, информацию о нормативных документах, находящихся в работе, и тех, что застряли в аппарате, данные о финансах. Переговорил с некоторыми министрами. Незадолго до назначенного срока мне позвонили от президента, сказали: наша встреча перенесена на завтрашний день.

Утром 21-го узнал от Виктора Степановича, что он имел вчера долгий, трудный разговор с президентом, убеждал отложить реализацию плана, ссылаясь на мое мнение. Но президент принял окончательное решение — указ будет оглашен сегодня вечером. Почти сразу же позвонил президент, извинился, что не сможет принять меня и сегодня. Мне было ясно, что он знает, о чем я собираюсь вести речь, просто не хочет тратить время на обсуждение уже решенного им вопроса. Все же я счел себя обязанным высказать свое мнение, привести аргументы. В какой-то момент мне показалось, что он заколебался, помолчал, еще раз взвешивая все "за" и "против", потом сказал: "Нет, все. Решение принято. Обратного хода нет".

Итак, до обнародования указа оставались считанные часы, развитие событий вступило в критическую стадию. Теперь очень многое зависело от организации, координации действий. К сожалению, надежды, что они окажутся на должном уровне, у меня

не было. Дело ведь не только в организаторских способностях того или иного человека. Чрезвычайна сама ситуация, которая неизбежно наложит свой отпечаток на все, в том числе и на людей. Слишком многие захотят уйти от ответственности, избежать необходимости принимать решение, исчезнуть, заболеть, не сделать, не понять и т.д. И это — в самый трудный момент и на всех уровнях.

Приближается время, когда президент появится на экранах телевизоров. Ясно, что силовыми структурами займется он сам. Есть, однако, множество других вопросов, которые могут оказаться весьма важными. Пригласил В.Шумейко, С.Шахрая, А.Чубайса, А.Козырева, Ю.Ярова. Набрасываем план первоочередных действий. Настроение тревожное, но рабочее. Несколько подавлен С.Шахрай, его мучают тяжелые предчувствия: Верховный Совет останется в Белом доме, значит — продолжит работу, значит — неминуемое поражение.

Общие контуры ситуации на ближайшие часы легко предсказуемы. Верховный Совет отказывается разойтись, Конституционный суд объявляет указ президента незаконным. Срочно собирается Съезд, кворума, видимо, не будет, но вне зависимости от этого он признает себя правомочным, приведет к присяге А.Руцкого, утвердит нового премьера, силовых министров, попытается перехватить управление, перетянуть на свою сторону регионы.

В ближайшие часы принципиально важно перекрыть созданный еще после августа 1991 года канал прямого, неконтролируемого выхода Белого дома в телеэфир, вообще отрезать Белый дом от мира: отключить связь, воду, электричество. Жестко пресекать любые проявления неповиновения в региональных администрациях, сохранить управляемость в федеральных системах. Стратегия ясна: избегать силовых столкновений, провокаций, сохранить спокойствие и порядок и как можно быстрее развернуть избирательную кампанию: формирование ок-

ружных и участковых комиссий, выдвижение кандидатов. Есть надежда, что многие из изолированных в Белом доме депутатов просто не выдержат, рванутся в свои округа, вступят в предвыборную борьбу. Нетрудно догадаться, что постараются противопоставить такому развитию событий лидеры непримиримой оппозиции. Выборов они боятся как черт лада на, идти на них не хотят. Если президенту для победы нужны порядок и стабильность, им, наоборот, — напряженность, драка, кровь. Значит, главная их надежда — сделать противостояние максимально острым, решение вопроса — чисто силовым. При такой обстановке, заданной реальным раскладом сил, ясно, что в Верховном Совете с каждым днем, точнее, с каждым часом самое крайнее, экстремистское крыло будет получать все больший и больший вес, окончательно подминая остатки умеренных и центристов.

Зашел к Черномырдину, показал набросанный нами план чрезвычайных действий. Он его поддержал, временно отказавшись лишь от отключения связи и других каналов жизнеобеспечения в Белом доме, ведь тогда придется отключить и много жилых домов, находящихся рядом.

Получаем первые сведения о действиях Верховного Совета. Все, как прогнозировали. Руцкой — "президент". Он выступает с горячей речью, принимает на себя ответственность за страну. Им назначены новые министры силовых ведомств: В.Ачалов, А.Дунаев, В.Баранников. Расчет понятен: у всех у них в этих ведомствах свои кадры, десятки или сотни ниточек связывают их с лично преданными им людьми в армии, в МВД, в КГБ. Неожиданно осталась вакантной должность нового премьера. Доходит непроверенная информация, что А.Руцкой хотел предложить ее Ю.Скокову, который в апреле был смещен с поста секретаря Совета безопасности. Однако Скоков, вроде, залег на дно, пребывает в не-тях.

Узнав о решении Верховного Совета ввести смертную казнь для "особо опасных пособников" президента, Виктор Степанович, покривившись, пересматривает свое решение по поводу задержки с отключением в Белом доме телефонов, дает соответствующие распоряжения.

Приносят заявление министра внешнеэкономических связей С.Глазьева, он подает в отставку. Для меня лично — неожиданный удар. Что В. Баранников при случае перейдет на другую сторону, честно говоря, ожидал давно. Даже когда тот считался в окружении Ельцина одним из самых надежных и преданных. В его обращении с президентом всегда можно было подметить элемент избыточной услужливости, вызывающей инстинктивное недоверие. Но Сергей Глазьев, парень нашего поколения, в общем-то, толковый экономист, давний член команды... Правда, по вопросу о роли государства в управлении экономикой он склонялся к дирижерской позиции, в то время как С. Васильев или А. Илларионов — к более либеральной. Ему нравились, например, идеи активной промышленной политики, государственного отбора победителей — знаменитый опыт японского Министерства промышленности и торговли, который он надеялся использовать у себя, в Министерстве внешних экономических связей, куда в ноябре 1991 года был назначен первым заместителем министра. Я был рад, что после отставки П. Авена в декабре 1992 года именно Глазьев занял это место. Конечно, уже давно можно было заметить, что А. Рудкой оказывает Глазьеву особое внимание, приглашает с собой чуть ли не во все зарубежные поездки, после которых обязательно хвалит его мне, говоря, что в нашей команде попадают отличные ребята. Совсем недавно, в августе 1993-го, когда развернулся очередной раунд перепалки со взаимным обвинением в коррупции, которое на этот раз коснулось и Глазьева, мы вместе с А. Чубайсом и Б. Федоровым, ни в малой мере не сомневаясь в его личной честности,

сделали все, чтобы его защитить. Еще вчера, 21-го, в середине дня приглашал его в ряду других министров для обсуждения экономического положения. Говорили о проекте нового импортного тарифа, о давно назревшем снижении экспортных пошлин и сокращении списка котируемых товаров. И вот теперь он перешел в другой лагерь.

Вот уж воистину, чужая душа — потемки. Впрочем, если не оправдать, то понять его можно. Здесь, на нашей стороне, немало молодых, умных, образованных специалистов. Неизвестно, как сложится дальнейшая судьба, может, он и останется если не на седьмом, так на четвертом месте. А там, у Руцкого, у Хасбулатова, со специалистами ой как не густо. Причем победа их сейчас весьма вероятна. Так кто же, как не он, Глазьев, лучше других подойдет на роль премьера? Хотел бы ошибиться, но, к сожалению, не исключая, что именно такой немудреный ход мыслей увел его на другую сторону баррикады, а затем, после декабрьских выборов 1993 года, превратил в одного из лидеров коммуно-националистического блока в Думе...

Кроме С.Глазьева, все министры продолжают нормально работать. Контроль за федеральными системами сохранен. Оперативный штаб правительства заседает ежедневно два раза — утром и вечером. Общая картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы Руцкого производят скорее комичное впечатление. Попытки вновь назначенных министров "рукой водить" малоэффективны. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность правительству. Общество в целом воспринимает происходящее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием. Теперь нужно развивать успех, главное — втягивать оппозицию в процесс новых выборов. К сожалению, спустя несколько дней ясно: ощущение относительного спокойствия — всего лишь кажущееся. Положение начи-

нает быстро осложняться. Белый дом не занят, сохрaнен как мощный центр оппозиции, и она с максимальной энергией начинает осуществлять свой сценарий. Непрерывными и нарастающими по масштабу провокациями пытается дестабилизировать обстановку, явно ведя дело к крови.

В Белом доме — большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего, конечно, стягивающимся сюда с разных концов страны боевикам. И вот наконец желанная цель отчасти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил на Ленинградском проспекте. Двое убитых и раненые.

Правительство принимает контрмеры, усиливает оцепление вокруг Белого дома, подтягивает дополнительные силы ОМОНа и милиции. Но вынужденная днем и ночью мокнуть под дождем в оцеплении милиция — прекрасный объект для работы агитаторов оппозиции и для провокаций. Теперь правительство — в положении обороняющейся стороны, ему приходится менять войска, обеспечивать порядок. Возможность активными действиями переломить ситуацию в свою пользу пока еще не созрела.

На заседаниях правительственного оперативного штаба заместитель министра внутренних дел докладывает, что его люди устали, оппозиция активно ведет среди них агитацию. Необходимы свежие силы. Представители Министерства безопасности, от которых в первую очередь ждем информацию о том, что происходит в Белом доме, о возможных провокациях, рассказывают, как вчера во столько-то часов и минут к кольцу оцепления подошли два агента иностранной разведки и что один из шведских дипломатов сказал дипломату французскому...

Оппозиция организует митинги, демонстрации. Они не слишком многочисленны, но очень агрессивны.

Во вторник, 28 сентября, возникла идея: представителям президента и правительства провести

на местах межрегиональные совещания глав администраций и председателей Советов. Ознакомиться с обстановкой, настроениями, ободрить, успокоить. Дать ориентиры. Мне достался Дальневосточный регион. 30 сентября вылетаю в Хабаровск.

На месте ощущение, что все ждут, чем закончится дело в Москве. Пока считают, что президент сильнее, и сохраняют по отношению к нему лояльность. Областные Советы вряд ли готовы ввязаться в решительное противостояние, они, скорее, нейтральны. Недавно избранный глава администрации Амурской области, присягнувший на верность Руцкому, кружит возле меня, заглядывает в лицо, говорит, что его оклеветали, клянется в верности.

В целом серьезной поддержки в регионах, на которую могло бы опереться парламентское большинство, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению о том, что исход противостояния решится в регионах, укрепляюсь в своем убеждении: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революций и переворотов — в столице. Залетев в Комсомольск-на-Амуре, побывал на оборонных предприятиях, расхлебывающих плоды недальновидной политики нынешнего года. 2 октября возвращаюсь в Москву. Здесь ситуация продолжает обостряться.

Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи в обмен на сдачу находящегося там оружия парламентом сорвано. Но, как уже не раз бывало, сам факт достижения такого соглашения воодушевил оппозицию. Она воспринимает это опять-таки как признак слабости президентской стороны и наращивает требования. Попытки переговоров при посредничестве патриарха ни к чему не приводят. На Смоленском бульваре — баррикады.

Все равно не вижу иной разумной тактики, кроме той, которая избрана с самого начала: избегать провокаций, настаивать на выборах. Но заполненное вооруженными боевиками здание Верховного

Совета похоже на заложенную в центре гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений складывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители — ключевая сила в Белом доме.

В воскресенье, 3 октября, утром — совещание у президента. Присутствуют В.Черномырдин, С.Филатов, В.Шумейко, О.Лобов, С.Шахрай, П.Грачев, В.Ерин, еще несколько человек. Обсуждаем итоги посещения регионов, откуда многие только что вернулись. Разговор довольно спокойный. Примерное резюме: пока контроль над основными федеральными структурами сохранен, масштабных акций неповиновения, беспорядков в регионах не предвидится, региональные власти лояльны, выборы пройдут. Ситуация в Москве конкретно не обсуждается. Информацией о том, что оппозиция именно на сегодня запланировала переход к активным действиям, Министерство безопасности или не владеет, или решило с президентом и правительством не делиться.

После совещания поехал к себе, на Старую площадь. За три дня отсутствия накопилась масса дел, хотел использовать воскресный день для разборки завала. На 15 часов была назначена встреча с профессором В.Стародубровским, которого незадолго перед этим попросил организовать работу по экспертизе принятых в нынешнем году федеральных программ с тем, чтобы вычленишь из них принципиально важное. Во время нашей беседы, часов примерно в 16, позвонил Алексей Головков, в 1992 году — моя правая рука, руководитель аппарата правительства, а теперь — один из главных организаторов "Выбора России". Он взволнованно сообщил о крупных беспорядках в Москве, о прорыве оцепления, о разоружении части милиции, о начале штурма мэрии.

Случилось то, чего так опасались. Оппозиции все же удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в силовое русло. Значит, время

политических маневров кончилось. Теперь все решат собранность, организованность, воля к действию, натиск. Сполохи новой гражданской войны, казалось, уже лизали небо над столицей России.

Позвонил В.Брагин, председатель телерадиокомпании "Останкино", сказал, что, по его сведениям, колонна грузовиков и автобусов с боевиками направилась от Белого дома к телецентру. Просит организовать оборону.

На этот раз моя сфера в правительстве — только экономика. Находящиеся в моем распоряжении вооруженные силы — три охранника, работавшие со мной еще во время премьерства. Четвертый, только что назначенный их новый начальник, уже с середины дня провалился как сквозь землю. Сообразить нетрудно: сегодня даже приказы прямых начальников если и будут выполняться, то в лучшем случае как в замедленной киносъемке.

А между тем телефон буквально раскалился. От меня требуют действий, помощи, защиты. Звоню В.Ерину, передаю просьбу Брагина о поддержке. Виктор Федорович заверяет, что команда уже дана, силы направлены, все будет в порядке. Связываюсь с президентом, спрашиваю, готов ли указ о чрезвычайном положении. Президент отвечает — готовится, над текстом работает Сергей Шахрай.

Снова в телефонной трубке тревожный голос Брагина: где же обещанное подкрепление, тех сил, что имеются, явно недостаточно. Выходит на связь О.Попцов, президент Российской телерадиокомпании: "Сейчас возьмутся и за нас, а здесь, возле Белорусского и на Шаболовке, вообще никакой защиты..."

Чтобы иметь независимый канал информации, нахожу Александра Долгалева, одного из руководителей организации защитников Белого дома "Август-91". Его ребята традиционно располагают сведениями обо всем происходящем в Москве. Прошу срочно собрать людей и регулярно, раз в полчаса, докладывать о развитии ситуации.

Из данных, которые теперь начинают поступать по разным каналам, складывается тяжелая картина. Усилия министра внутренних дел, явно пытающегося сделать все возможное, пока не дают ощутимых результатов. Мэрия сдана, ОМОН деморализован, милиции в городе не видно. Боевики оппозиции действуют нахраписто и решительно, все увереннее овладевая ситуацией.

Приходит информация, что началась атака на здание Министерства обороны. Не могу дозвониться до Грачева, связываюсь с его первым заместителем А.Кокошиным. Общее ощущение хаоса и нерешительности только усиливается. Прекрасно понимаю, насколько трудно в сложившейся ситуации заставить армию. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутривнутриполитических конфликтов. Это стало в некотором смысле символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Никто из нас никогда и не обсуждал возможность использовать армию во внутривнутриполитической борьбе. При любых, самых крайних вариантах мог дискутироваться только вопрос о привлечении внутренних войск, милиции, управления охраны. Однако развитие событий 3-го числа показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженные отряды, выставленные оппозицией, вот-вот проложат дорогу к власти в России безответственным и опасным экстремистам. Необходимость срочно поднять армейские части стала очевидной.

Но дойдут ли теперь приказы, будут ли они выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, включая министра обороны и президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара.

Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения, самого мощного в складывающейся обстановке средства воздействия на ситуацию. Захват "Останкино", обращение Руцкого с телеэкрана создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли поспешить присягнуть победителю. И от всего страшного, что могло произойти вслед за этим, Россию отделяла лишь горстка бойцов "Витязя".

И вот телеэкран "Останкино" гаснет. Значит, дела совсем плохи...

На 19.30 Черномырдин назначил заседание правительства. Но оно почему-то никак не начнется. Министры переминаются с ноги на ногу около дверей малого зала на пятом этаже, вполголоса обмениваются информацией. Или слухами? Говорят, что вроде бы занят Дом радио возле Смоленской площади. И еще — что-то у Министерства связи захватили. И какой-то объект Министерства топлива и энергетики.

Невольно в памяти возникает знакомая по мемуарам атмосфера последнего заседания Временного правительства. Вспомнил Владимира Набокова: "В зале находились все министры, за исключением Н.М.Кишкина... Министры группировались кучками, одни ходили взад и вперед по залу, другие стояли у окна, — С.Н.Третьяков сел рядом со мной и стал с негодованием говорить, что Керенский их бросил и предал, что положение безнадежное. Другие говорили, что стоит только "продержаться" 48 часов — и подспеют идущие к Петербургу верные правительству войска". Вечером 3 октября на Старой площади было нечто очень похожее.

Больше всего удивился сообщению о захвате Государственного таможенного комитета. Подумал: это зачем? Только позже узнал о "Списке Руцкого". Именно на таможенников он возлагал задачу задерживать на границе членов правительства, которые, по его представлению, конечно же, должны были вот-

вот ринуться за рубеж. Арестовать и немедленно доставить на суд и расправу в Белый дом. Впрочем, хотя список, начиная с председателя Совета Министров, был весьма обширным и включал в себя многих заметных деятелей, фамилии президента, министра обороны и моя в нем не значились. Видимо, эту троицу везти далеко не предполагалось.

Кажется, заседание еще так и не началось, когда на экране телевизора появился Юрий Лужков. Призвал москвичей к порядку и спокойствию. По-моему, сказал совершенно не то, что требовала ситуация. Кто, собственно говоря, должен соблюдать порядок и спокойствие? Боевики, продолжающие штурм телецентра? Или граждане России, у которых в эту ночь вновь похищают свободу? К порядку и спокойствию можно было бы призывать, будучи уверенными, что верные президенту войска есть и выполнят приказ. Ну а сейчас, когда в Москве решается судьба страны, посылать мужиков, как малых детишек, в постели было по меньшей мере нелепо. Наоборот, необходимо опереться на поддержку своего народа, уже дважды, в августе 1991-го и в апреле 1993-го, ясно показавшего, что он выбрал свободу.

20 часов. Штурм "Останкино" продолжается, боевики оппозиции захватывают новые объекты. Силы МВД деморализованы, армейские части на помощь не подходят. Оппозиции почти удалось убедить население в масштабности своего движения и в изоляции президента. Все это дезорганизует тех, кто готов прийти на помощь.

Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. В первую очередь звоню Сергею Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. Знаю его по совместной работе. Он хорошо себя зарекомендовал в горячих точках — Осетии, Таджикистане, Молдове. Смелый, решительный человек, на которого можно положиться в такую минуту. Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской

обороны имеется в районе Москвы, и, на случай крайней необходимости, срочно подготовить к выдаче 1000 автоматов с боезапасом. По голосу чувствую: переживает, прекрасно понимает огромную ответственность. Вместе с тем ясно, что поручение правительства выполнит.

Связываюсь с Виктором Ериным. Говорю: если не призовем народ, дело кончится плохо. Он согласен, обещает помочь всем, чем сможет.

Звоню президенту, говорю, что считаю целесообразным обратиться за поддержкой к народу. Он тоже согласен.

Даю команду А.Долгалеву сосредоточить своих дружинников у Моссовета. Прошу бизнесменов, имеющих свои охранные структуры, по мере сил поддержать обученными людьми.

Иду в кабинет премьера, В коридорах самого начальственного, обычно чинного пятого этажа суетятся растерянные работники аппарата. Один подскакивает ко мне, буквально кричит: "Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перерезают!"

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. Просит на случай блокады здания правительства получить наличные в Центральном банке. Передаю это поручение первому заместителю министра финансов А.Вавилову, а сам информирую премьера, что отправляюсь на Российское телевидение, буду просить москвичей о поддержке, потом поеду к Моссовету. До отъезда успеваю в своем кабинете записать небольшое выступление для "Эхо Москвы", беру с собой Аркадия Мурашева, коллегу по "Выбору России", бывшего начальника московской милиции.

Москва пустая — ни милиции, ни войск, ни прохожих. В машине слушаем по радио победные репортажи оппозиции: побеждаем, точнее, уже победили, теперь никаких компромиссов, Россия обойдется без президента, пришел последний час ельциновдов...

Подъезжаем к Российскому телевидению. Вход забаррикадирован. После долгих и настороженных переговоров моей охраны и охраны телевидения нас наконец пропускают. Попцов очень нервничает. После штурма "Останкино" ждет нападения боевиков. Не может понять, почему не присылают солдат для защиты. Ведь здесь больше нескольких минут не продержаться. Пока разговариваем, проходит информация, что занято здание ИТАР-ТАСС.

Еще раз связываюсь с Ериным, прошу хоть как-то прикрыть Российское телевидение. Теперь и сам вижу, что обороны никакой. Обещает помочь.

Уже перед объективом телекамеры попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. Нетрудно понять, какую страшную ответственность за их жизни беру на себя. И все же выхода нет. Много раз перечитывая документы и мемуары о 1917 году, ловил себя на мысли о том, что не понимаю, как могли десятки тысяч интеллигентных, честнейших петербуржцев, в том числе многие офицеры, так легко позволить захватить власть не слишком большой группе экстремистов? Почему все ждали спасения от кого-то другого: от Временного правительства, Керенского, Корнилова, Краснова? Чем все это кончилось, известно. Наверное, эта мысль — главное, что перевешивает все сомнения и колебания. И потому выступаю без колебаний, с сознанием полной своей правоты.

После телеобращения едем к Моссовету. Еще недавно, проезжал мимо, видели у подъезда маленькую кучку дружинников. Теперь набухающими людскими ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, снизу от гостиницы "Москва" площадь заполняется народом. Вот они — здесь! И уже строят баррикады, разжигают костры. Знают, что происходит в городе, только что видели на экранах телевизоров бой у "Останкино". Костерят власть, демократов, на-

верное — и меня, ругают за то, что не сумели, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла, сами справиться с подонками. Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету. Да, они готовы потом разбираться, кто в чем виноват, кто чего не сделал или сделал не так, как надо. А сейчас идут, безоружные, прикрыть собой будущее страны, своих детей. Не дать авантюристам опять прорваться к власти.

Офицерские десятки, готовые в случае нужды взять оружие в руки, уже строятся возле памятника Юрию Долгорукому. Но это — на крайний случай. Крепко надеюсь, что оружие не понадобится. Толпа напоминает ту, в которой стоял в августе 1991 года, заслоня Белый дом. Те же глаза. Добрые, интеллигентные лица. Но, пожалуй, настроение еще более суровое, напряженное. Где-то среди них мой отец, брат, племянник. Наверняка знаю, здесь множество друзей, соратников, однокашников.

Выступаю перед собравшимися, сообщаю, что от “Останкино” боевики отброшены. Призываю оставаться на месте не рассредотачиваясь, начать формирование дружин, быть готовыми при необходимости поддержать верные президенту силы.

Главный вход в Моссовет закрыт. С трудом, в обход, перелезая через баррикады, пробираемся в здание. Еще недавно его частично контролировала оппозиция. Группа депутатов Моссовета пыталась организовать здесь один из ее штабов, но теперь здание очищено людьми Ю.Лужкова. Сам он оживлен, возбужден, даже весел. Прошу Мурашева наладить связь между нашими дружинниками и милицией. Созваниваюсь с В.Черномырдиным, рассказываю об обстановке в центре столицы, спрашиваю, что известно о подходе войск. В целом картина неопределенно-тягучая, но порыв оппозиции, кажется, начинает выдыхаться.

Еще раз выступаю у Моссовета и на машине — к Спасской башне. Там еще одно место сбора. Из окна

машины вижу, как пробудилась, преобразилась Москва. Множество народа, полыхают костры, кое-где звучат песни, видны шеренги дружин. Собравшись вместе, люди ощутили свою силу, почувствовали уверенность.

У Спасской башни на Красной площади, где люди собрались по своей собственной инициативе, настроение более тревожное, плохо с организацией. Ко мне подходит военный, представляется полковником в отставке, просит указаний, помощи. Там, у Моссовета, — сплочение. Здесь — пожалуй, наше уязвимое место.

...У меня в кабинете А.Чубайс, Б.Салтыков, Э.Памфилова, С.Васильев, А.Улюкаев и многие другие. Жадно расспрашиваю их, какие новости, что произошло в мое отсутствие. Информации до обидного мало. Прошу министров отправиться на митинги, выступить, поддержать боевое настроение москвичей. Вообще, одна такая ночь может выявить людей лучше, чем долгие годы. Кое-кто из наших неожиданно впал в панику, сбежал. Но остальные вели себя спокойно и даже мужественно. Например, Василий Васильевич Барчук, председатель правления Пенсионного фонда, немолодой, с больным сердцем. В вечер, когда замолкло "Останкино", примчался ко мне с дачи, в свитере, готовый сделать все, что необходимо.

Около полуночи ситуация в городе наконец начала меняться. Иллюзия, что речь идет о восстании против вражеского, не имеющего поддержки режима, развеялась. Сторонники президента выходят из состояния оцепенения и растерянности. К этому времени абсолютно уверен, что власть в России в руки анпиловцев и баркашовцев не отдадим. Даже если к утру руководству МВД не удастся привести в порядок свои силы, а армия останется пассивной. Тогда раздадим оружие дружинникам и будем действовать сами. В том, что сможем это сделать, сомнений нет.

Вспомнилось место из мемуаров Ф.Раскольниковва "Кронштадт и Питер в 1917 году": "Если бы Временное правительство нашло в себе достаточно решимости, то путем установки пары батарей на берегу морского канала ничего не стоило бы преградить кронштадтцам путь в устье Невы... Но, к счастью, эта мысль не пришла в голову никому из членов правительства Керенского, в силу его панической растерянности".

Около двух ночи. Говорим по телефону с Борисом Ельциным. Голос у него усталый, даже охрипший, но гораздо более уверенный, чем раньше: войска будут! Двинулись! Идут к Москве!

Догадываюсь, что ему недешево стоило добиться такого поворота событий. Говорю, что, по моему мнению, президенту надо бы встретиться с военными, даже еще до вступления их подразделений в Москву. Они должны видеть его и лично от него получить приказ. В противном случае остается риск, что армия так и не начнет действовать. Победа все равно будет наша, но прольется больше крови.

В половине шестого утра президент перезвонил, сказал, что эту мою просьбу он выполнил.

Тем, кто не пережил вечер третьего октября, не видел нависшей над страной страшной опасности, не звал людей на площадь, непросто понять мои чувства, когда раздался первый танковый выстрел по Белому дому. Как ни парадоксально, первое, что я испытал, было огромное облегчение: не придется раздавать оружие поверившим мне людям, посылать их в бой.

5 октября. Порядок в Москве восстановлен, регионы демонстрируют подчеркнутую лояльность, угрозы гражданской войны больше нет. Но политические проблемы, конечно же, не решены, кое в чем они даже усугубились.